

Комсомолец Донбасса 10 ФЕВ 1988
г. Донецк

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

«Я подвержен сомнениям»

Квадратная гримерная. Слева — большое трюмо. Справа — костюмы: аккуратно устроившись на «плечиках», они закрывают почти всю стену и притягивают взгляд вошедших. Не сразу замечаешь хозяина костюмов. Ищешь, а натыкаешься на фигуры ребят-телевизионщиков, проникших в артистическую уборную с камерой и микрофонами и, как выясняется, тщательно продуманными вопросами.

Но вот вспыхивает яркая лампа, и мимолетные впечатления исчезают. Все внимание — в центр комнаты, где, как-то глубоко запрятавшись в кресло, словно в некий панцирь, сидит очень знаковый нам человек со смуглым лицом и спокойными задумчивыми глазами — Валерий Леонтьев.

Шуршит камера. Четко звучат вопросы ведущего. Без затруднения, но взвешивая каждое слово, отвечает Валерий.

Велушиваешься и чувствуешь, как волна расположения накатывает на тебя. В чем же обаяние? В доброжелательности? В подкупающей искренности? Наверное, это так. Только одно немногостораживает — уж очень гладкими, сбалансированными под волос получаются ответы Леонтьева. Человек-машинка: вы — вопрос, вам — ответ и именно тот, который вы ожидали услышать.

И первый наш вопрос прозвучал так:

— Скажите, а вам не тяжело все время как будто сдавать экзамен, что-то разъяснять и рассказывать?

Валерий чуть усмехается и произносит фразу, концовка которой «покоряет» окончательно:

— Я привык в этой атмосфере жить и, знаете, бываю очень интересные встречи, потому что среди лавины вопросов стандартных, уже набивших оскомину, иногда возникает какой-то необычный, и завязывается интересная беседа. Случается, что интервью со мной превращается в интервью с тем, кто пришел его брать.

— «Комсомолец Донбасса» совместно с Донецкой областной филармонией предложил своим читателям заполнить анкету-приглашение, указав в ней эстрадных исполнителей, с которыми хотелось бы встретиться. И довольно часто в письмах звучало — с Валерием Леонтьевым...

— Мне очень приятно.

— ...То есть публика вас любит. Взаимна ли эта любовь?

— Если б я не любил публику, я бы давно забросил эту работу! — неожиданно эмоционально произносит Валерий.

— Валерий, зритель заметил перемены в вашем облике, в прическе.

Леонтьев не удивляется подобному интересу, очевидно, что вопрос из привычных:

— Восприятие массового зрителя сориентировано, главным образом,

телевидением и радио. А ТВ не поспевает за изменениями, которые происходят во мне. У меня сменился полностью репертуар — ничего не осталось от тех песен, которые звучали два года назад. Изменились само звучание и даже голос, подача звука и аранжировки. А телевидение по-прежнему крутит «Зеленый свет», «Затмение сердца» и весь «паулсовский блок». Поэтому у того, кто представляет меня по-прежнему репертуару, смена костюма, причёски вызывает недоумение.

— Нам очень близка тема, поднятая в передаче «Взгляд», где вы принимали участие, — об уровне критики, которой подвергаются артисты, исполнители...

— Явление, которое сейчас происходит — разброд в зрительских симпатиях, полярность в оценках, — свидетельствует об изменениях в отношении к жизни. Сейчас, в связи с новыми веяниями, открылся некий занавес, который прочно стоял перед потоком музыкальной информации в прежние годы. Сегодня подняли головы многочисленные рок-группы, существовавшие ранее на полулегальном положении, а по телевидению показывают такие вещи, которые немыслимы были прежде. А зритель в своей массе оказался не готов к этому. Он растерялся. Появились и недоумевающие, сердитые и восторженно вопиющие, приветствующие. Разброд в симпатиях, который и отражается в печати сейчас. Но, безусловно, гласность — это не аседозвольность, как воспринимают ее те, кто допускает публикации слухов, непроверенных фактов, категорич-

ных мнений, выраженных порой в неприемлемой для печати форме. Я думаю, что постепенно этот процесс регулируется.

— А как вы себя чувствуете в этом «разброде»?

Валерий помолчал и сказал то, в чем редко кто признается:

— Я никогда в жизни не чувствовал себя уверенным. Я по-прежнему не уверен в себе. Я всегда подвержен сомнениям: то ли я делаю, правильно ли я поступаю.

— Как вы сами определяете жанр, стиль музыки, в котором работаете?

— Моя область — это поп-музыка, и конструкция моих песен сегодня имеет роковую окраску, тяготеет к жесткому ритму. То есть то, что мне хотелось сделать всегда, но когда я раньше приносил в студию фонограммы, редактор слушал и говорил: «Надо убрать барабаны и синтезаторы». Условие выполнялось, и песня шла в эфир. В поистинном случае — оставалась на полке.

— Какие ваши диски в ближайшее время будут выпущены фирмой «Мелодия»?

— В августе прошлого года я сдаю свою пластинку «Я просто певец». Но процесс производства очень долгий у нас. В марте—апреле диск обещают выпустить. На восьмой месяц! — куда подевалась сдержанность Леонтьева. — То есть, когда она выйдет, все песни уже будут знакомы зрителю, «раскручены» в телевизионных передачах и по радио, и пластинка уже не будет новостью для слушателя. В прошлом году я записывал свой диск в Финляндии. И технология производства там такова, что от записи до продажи — сутки.

— Вам остается только посоветовать записать новые песни на диск и до выхода его не исполнять их. Тогда пластинка будет иметь большой успех. Валерий смеется:

— Все равно не выдержишь. Пока она будет делаться, песни поодиночке разойдутся туда-сюда. Буквально на днях, перед поездкой на гастроли сюда, в Донецк, я закончил запись альбома, который состоит из трех дисков. Это опера ленинградского композитора Лоры Квинт «Джордано», сценическое воплощение которой мы надеемся осуществить в июне.

— Рок-опера?

— Это не совсем так. На роковый жесткий ритм, где много электроники, положено симфоническое звучание.

— «Симфорок»?

— Скорее, да...

Здесь приходится прервать беседу, хотя, конечно, жаль. Контактность и естественность Валерия Леонтьева притягивают. Но впереди — концерт. Ждут донецкие зрители.

С. ПЕРЕБИКОВСКАЯ.
Фото Ю. РУСАНОВА.